театрахъ небходимо имѣть разрѣшеніе Его Высокопревосходительства г. директора Императорскихъ театровъ, а какъ контора не имѣетъ положительнаго свѣдѣнія объ Вашемъ талантѣ, дабы самой о семъ ходатайствовать, предоставляетъ, если Вы вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ заслужить вниманіе публики Вашимъ талантомъ, обратиться лично съ просьбою къ Его Высокопревосходительству; при чемъ не лишнимъ считаю предупредить, что артисты, желающіе имѣть дебюты, непремѣнно обязаны увѣдомить о томъ, что, въ случаѣ успѣха, если бъ дирекція пожелала опредѣлить таковаго на службу, предварительно обязаны опредѣлить свое требованіе.

Имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

Алексѣй Верстовскій.

№ 3093. Ноября 13-го дня,
1854 года. Москва.

— Урра! крикнули товарищи. Поздравляемъ Ваня!

— Ужъ если Верстовскій отвѣтилъ тебѣ, такъ ты теперь смѣло пиши прошеніе къ директору! утѣшалъ меня Днѣпровскій.—Рука, братъ, у меня легкая! продолжалъ онъ: я тебѣ вотъ какое прошеніе напишу — на удивленье! Вѣдь я, другъ, самъ служилъ въ Питерѣ и знаю всѣ порядки.

— Какъ хочешь, Ваня, а могорычъ ставь! Дѣло будетъ прочнѣе! усовѣщивали меня пропойцы: Барсовъ и Рѣшимовъ.

На радости такой я съ удовольствіемъ пригласилъ всѣхъ въ театральный буфетъ.

Прошеніе къ А. М. Гедеонову послано было на другой же день. Послѣ того проходитъ недѣля, другая, а отвѣта изъ Питера нѣтъ, какъ нѣтъ. Ну, думаю, вѣрно на мое предложеніе и вниманія не обратили. Однакожъ 2-го декабря Боборыкинъ прибѣгаетъ на репетицію и, держа высоко большой пакетъ, еще издали кричитъ:

— Вотъ оно! Вотъ высокопревосходительное посланіе! Получай, Ваня!

Съ бо́льшимъ смущеніемъ, чѣмъ при письмѣ Верстовскаго я вскрываю пакетъ и вижу форменный бланкъ, но не изъ Петербурга, а изъ конторы Московскихъ театровъ. Бумага была послана 30 ноября 1854 года, за № 3328.

Въ дирекцію Рязанскаго театра

актеру Ивану Лаврову.

Вслѣдствіе поданной просьбы вами къ Его Высокопревосходительству господину директору Императорскихъ театровъ, Его Высокопревосходительство, отъ 29-го сего ноября, за № 751, увѣдомилъ контору, что онъ разрѣшаетъ допустить васъ къ дебюту на Московской сценѣ въ роли Торопки изъ оперы „Аскольдова могила", съ тѣмъ, чтобы по переѣздѣ вашемъ изъ Рязани въ Москву издержки были на вашъ счетъ и притомъ, прежде удостовѣренія дирекціи въ способностяхъ вашихъ, не пріемлетъ на себя никакого обязательства на то, будете ли ангажированы на службу, о каковомъ предписаніи господина директора контора Московскихъ театровъ, васъ увѣдомляя, предлагаетъ, если на сіе согласны, не замедлить прибыть въ Москву, ибо опера „Аскольдова могила" предполагается быть представлена на сценѣ около 15-го декабря, въ противномъ случаѣ поспѣшить увѣдомить о послѣдующемъ для донесенія Его Высокопревосходительству.

Управляющій конторою *Верстовскій*.

Столоначальникъ *Каракалпаковъ*.

— Ну, вотъ и дѣлу конецъ! воскликнулъ Днѣпровскій. Нечего, братецъ и медлить! Кати скорѣе.

Съ шумной радостью привѣтствовали меня товарищи. А меня обуялъ какой-то страхъ, словно надо мною повисло уголовное преступленіе, да притомъ взяло раздумье: какъ поѣду безъ всякаго вида? Вѣдь я бродяга, бѣглецъ! Ну! да будетъ власть Божія.

Изготовился я въ дорогу. Насчетъ же вида, для проѣзда и временного прожитія въ Москвѣ, съ согласія губернатора, дали мнѣ свидѣтельство такого рода:

„Свидѣтельство актеру Рязанскаго театра Ивану Ивановичу Лаврову, съ дозволеніемъ на проѣздъ и прожитіе въ Москвѣ и Петербургѣ, срокомъ до 1 января 1855 года. Выдано директоромъ театра Е. М. Бернардъ и засвидѣтельствовано полицеймейстеромъ".

Съ этимъ-то сомнительнымъ видомъ я, простясь съ семействомъ своимъ, товарищами и друзьями, отправился въ мальпостѣ въ Москву 5 декабря 1854 года.

---

7 декабря, во вторникъ, пріѣхалъ я въ Москву и остановился у К. Н. Полтавцева. Жилъ онъ въ Бронной, у церкви Рождества Палаши, въ домѣ Сметанина. Самъ онъ и жена его, моя кума, приняли меня радушно. На другой же день отправился я въ театральную контору*). Со страхомъ и трепетомъ вступилъ я въ пріемную конторы. Какъ только доложили обо мнѣ, А. Н. Верстовскій тотчасъ принялъ меня и, усадивъ, очень ласково разспрашивалъ о моемъ актерскомъ поприщѣ. Спросилъ: игралъ ли я Торопку, и гдѣ. Я объяснилъ ему, что роль эту во многихъ городахъ исполнялъ успѣшно.

А. Н. изъявилъ желаніе, чтобы я, отдохнувъ съ дороги, дня черезъ два приступилъ къ репетиціямъ, такъ какъ опера „Аскольдова могила" идетъ прежде съ Лазаревымъ, а затѣмъ, 19 декабря, въ воскресенье, я долженъ буду въ ней дебютировать. Откланявшись моему будущему начальнику, отправился я осмотрѣть сгорѣвшій Большой театръ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ глядѣлъ я на громадный, обезображенный остовъ. Бывши въ Москвѣ осенью прошлаго года, я видѣлъ его; тогда онъ былъ еще ужаснѣе! Какая жалость! этакая красота — и сгибла! Мнѣ сказывали: во время пожара тяга отъ огня до того была сильна, что большіе листы бумагъ находили въ Мароинѣ за Останкинымъ, и будто Александръ Михайловичъ Купфершмидтъ — музыкантъ-альтистъ, будучи тамъ на охотѣ, видѣлъ у крестьянъ, поднятый ими, обгорѣлый отпускъ Александра Олимпіевича Бантышева.

Дня черезъ два прислали мнѣ повѣстку на репетицію. К. Н. Полтавцевъ поѣхалъ со мною въ театръ, гдѣ представилъ меня первой пѣвицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Семеновой, капельмейстеру Сергѣю Ивановичу Штуцманъ, первому басу Дмитрію Васильевичу Курову, первому тенору

---

*) Теперь домъ, гдѣ была контора, находится во дворѣ дома бывшаго Лазарика, а нынѣ Харитова, на Петровкѣ.

Алексѣю Филипповичу Петрову, режиссеру Николаю Пантелеевичу Савицкому и хору.

Мнѣ показалось, что всѣ какъ-то сухо обошлись со мною. Сильно оробѣлъ я на этой первой пробѣ; еще никогда не приводилось пѣть съ такимъ большимъ оркестромъ и при такой обстановкѣ. Растерялся я совсѣмъ, когда грянула музыка, и все-то смущала меня эта мелькающая передъ глазами капельмейстерская палочка. Въ провинціи у насъ дирижеры всегда подыгрывали на скрипкѣ; тамъ мы и роли-то выучивали на слухъ. Въ слѣдующія репетиціи я сталъ дѣйствовать смѣлѣе, но зато, позади себя, слышалъ надъ собой разныя насмѣшки и остроты:

— Всякая провинціальная дрянь, тоже, лѣзетъ на нашу сцену! раздавались возгласы.

Это меня очень обижало и огорчало; отъ такихъ рѣчей я сильно конфузился и не могъ смѣло, свободно репетировать.

„Погодите, господа!“ думаю себѣ: „дайте мнѣ только добраться до спектакля, а тамъ вамъ докажу, что я не такъ дуренъ, какъ вы обо мнѣ судите!“

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше высказывалось ко мнѣ недоброжелательство, только въ присутствіи Верстовскаго умолкали мои недруги. К. Н. Полтавцевъ сильно вознегодовалъ, когда я ему повѣдалъ о театральныхъ каверзахъ.

Въ слѣдующую репетицію онъ поѣхалъ вмѣстѣ со мною. Передъ началомъ сѣлъ онъ на аван-сценѣ и, обратясь ко всѣмъ, громко произнесъ:

— Я слышалъ, что надъ моимъ товарищемъ и пріятелемъ здѣсь кто-то издѣвается и преслѣдуетъ разными насмѣшками и ругательствами. Такъ я, вотъ, нарочно пришелъ убѣдиться въ этомъ и посмотрю, кто осмѣлится еще повторить эти мерзкія продѣлки!

Пріѣхалъ на репетицію и А. Н. Верстовскій; ему Полтавцевъ по-французски объяснилъ мою исторію. А. Н. на это сильно разгнѣвался и объявилъ Савицкому свое неудовольствіе, прибавивъ, что ежели кто будетъ замѣченъ, то подвергнется штрафу. Съ этихъ поръ все прекратилось.

Наконецъ, 19 декабря должна рѣшиться моя судьба — панъ, или пропалъ!

Передо мною „Аскольдова могила“ шла съ Лазаревымъ раза два. Публикѣ онъ не понравился; игралъ онъ вяло, слабо. Оно и не мудрено: послѣ знаменитаго А. О. Бантышева играть эту роль было опасно. Счастье мое, что Лазаревъ выступилъ первый, — на немъ и обрушилось недовольство публики.

Билеты на нѣсколько представленій этой оперы давно были разобраны, стало-быть мнѣ приходилось выйти на судъ многочисленной публики. Никогда, во всю жизнь, не забыть мнѣ этого рокового дня, этого перваго моего выхода на сцену Императорскаго театра. Роковымъ спектакль я называю потому, что если дебютъ мой будетъ неудаченъ, тогда мнѣ бѣглецу, безпаспортному — куда потомъ дѣться? Еще сильнѣе, чѣмъ въ Астрахани, замеръ у меня духъ, когда я вышелъ на сцену, такъ же, какъ и тамъ — невзвидѣлъ я свѣта и людей! Слышу — въ зрительной залѣ раздаются голоса и хлопанье, а я стою и ничего не могу понять. Изъ-за кулисъ кричатъ мнѣ: „Подойди поближе и кланяйся!“ Опомнясь, робко подошелъ я къ рампѣ и поклонился, — аплодисменты послышались еще сильнѣе.

Тутъ только я смекнулъ, что, вѣдь, это меня привѣтствуютъ, а поджилки мои такъ и трясутся! Раза два подходилъ я къ аван-сценѣ и раскланивался. С. И. Штуцманъ въ это время шепчетъ мнѣ: „Не робѣйте, Лавровъ! дѣйствуйте смѣлѣе!“ Наконецъ, придя въ себя, повелъ я сцену съ Неизвѣстнымъ, потомъ съ Фрелафомъ. В. И. Живокини въ своей роли былъ неподражаемъ. Первое дѣйствіе прошло одушевленно, весело, и кончилось оно нѣсколькими вызовами: меня, Живокини и Семеновой. Слава Богу! прошло, кажется, не дурно. Во второмъ актѣ пріемъ былъ еще лучше. Застольную пѣсню „Богамъ во славу, князю въ честь“ повторилъ и былъ вызванъ два раза. Но вотъ наступило третье дѣйствіе, самое лучшее для роли Торопки. Я уже освоился со сценой. Съ незамѣнимой Аграфеной Тимоѳеевной Сабуровой сцена проведена была ловко, игриво, а затѣмъ и „вѣтерокъ“ возымѣлъ свое дѣйствіе. Тутъ ужъ я забылъ, что я актеръ, превратился въ настоящаго Торопку-Голована, съ полнымъ увлеченіемъ пропѣлъ „вѣтерокъ“ четыре раза, „чарочки“, тоже, заставили повторить три раза. Однимъ сло-

вомъ — успѣхъ былъ такой, какого я и не воображалъ: вызывали меня много разъ, А. Н. Верстовскій высказалъ мнѣ большое одобреніе, артисты оперные и драматическіе пришли ко мнѣ въ уборную и поздравили съ успѣшнымъ дебютомъ; К. Н. Полтавцевъ съ шумною радостію входитъ съ шампанскимъ, которое мы всѣ вкупѣ и роспили за успѣхъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи у меня ничего не было выдающагося въ пѣніи, но тѣмъ не менѣе, по окончаніи оперы, все-таки, вмѣстѣ со всѣми, вызвали нѣсколько разъ. Послѣ спектакля, пріѣхавъ домой, я почувствовалъ страшное утомленье, точно послѣ болѣзни какой или непомѣрнаго физическаго труда. Такъ кончился мой первый дебютъ на сценѣ Императорскаго Московскаго театра.

Послѣ я еще два раза игралъ въ „Аскольдовой могилѣ“ и все съ такимъ же успѣхомъ, а въ промежуткахъ участвовалъ въ водевилѣ „Анютины глазки“, въ которомъ исполнялъ роль Ивана. Въ этой роли хотя публика и хорошо принимала меня, но все не съ такимъ одобреніемъ, какъ въ „Аскольдовой могилѣ“. Дѣло въ томъ, что Бантышевъ въ „Анютиныхъ глазкахъ“ былъ необычайно типиченъ, съ настоящимъ, оригинальнымъ пошибомъ трактирнаго молодца, и притомъ его несравненный, золотого тембра голосъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Поэтому извѣстная его пѣсенка „Травушка“ прошла у меня слабѣе, чѣмъ у него. Съ своей стороны я полагаю, тутъ дѣйствовало, кромѣ сказаннаго, то, что публика едва ли на сценѣ слышала настоящія русскія пѣсни. „Травушка“ именно была плохая поддѣлка подъ русскую пѣсню; это скорѣе романсъ, который только и былъ хорошъ въ исполненіи А. О. Бантышева. Между артистами и почитателями Бантышева было такое сужденіе: Бантышевъ обладалъ изъ ряда выходящимъ голосомъ; онъ первый намѣтилъ характеры „Торопки“ и „Ивана“, только ему свойственные. Этими ролями онъ такъ дѣйствовалъ на зрителей, что другому исполнителю, въ его время, соперничать было невозможно. Какъ въ той, такъ другой роли онъ казался плутоватымъ увальнемъ, что къ нему очень шло. У меня же тѣ сцены, гдѣ нужна энергія, вышли замѣтнѣе; такъ, напримѣръ, ночная сцена съ Чухлымовой, и въ „Аскольдовой могилѣ“ въ 3 актѣ — разсказъ и „чарочки“. Ужъ и это неболь-

шое сравненіе служило мнѣ большой наградой, потому что надо было видѣть и слышать, каковъ былъ Бантышевъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Послѣ дебютовъ правитель репертуарнаго стола Каракалпаковъ пригласилъ меня въ трактиръ Егорова, гдѣ, при разговорѣ, высказалъ желаніе узнать: на какихъ бы условіяхъ я хотѣлъ опредѣлиться на службу.

— Знайте, батенька, пояснилъ онъ: у насъ Полтавцевъ, Садовскій, Васильевъ и Шумскій не получаютъ полнаго оклада, да и у васъ въ оперѣ — одна Семенова имѣетъ его. Такъ вы, если желаете служить, не напирайте на большія условія... Оно, знаете, зависть не возбудите. Вы еще молоды... со временемъ доберетесь и до полнаго оклада. Будете получать 4000 руб. асс. жалованья, а? Вѣдь это, батенька, генеральское жалованье! Такъ-то!

Живя въ провинціи, по простотѣ, безъ хитростей, я и на этотъ разъ рѣшился говорить съ нимъ откровенно.

— Видите ли въ чемъ дѣло, отвѣтилъ я: мнѣ не до того... мнѣ бы только поступить да заручиться отъ дирекціи защитой... Я, какъ вамъ сказать... я человѣкъ безпаспортный... въ бѣгахъ нахожусь отъ рекрутства.

Каракалпаковъ въ испугѣ привскочилъ даже.

— Что? Это какъ же? недоумѣвая, вопрошалъ онъ. Давно ли, батенька, находишься въ бѣгахъ и безъ вида? измѣняя тонъ обращенія со мною, проговорилъ мой собесѣдникъ.

— Почти два года такъ маюсь!

— Эге, ге, ге! скорчивъ рожу, протянулъ онъ. Это, братецъ, статья иная! Объ этомъ надо будетъ доложить... да! Дѣло-то, выходитъ, дрянь! Дѣло каверзное, уголовное! Надо, донести! Прощайте, батенька! поѣду къ Алексѣю Николаевичу. Это статья иная!... Прощайте!

Оставилъ онъ меня въ великомъ смущеніи. Ну, думаю, не помогутъ мнѣ мои дебюты, успѣхи! И погонятъ меня, раба Божьяго, по дорожкѣ съ пересылочными, а тамъ—и подъ турку, воевать. Неисходное горе и злоба забушевали на душѣ.

На другой день, утромъ, приглашенъ я былъ въ контору къ Верстовскому. Онъ подробно разспросилъ о моемъ дѣлѣ; выслушавъ все — обѣщалъ, узнавъ хорошенько, похлопотать

объ увольненіи изъ общества. Всѣ артисты тоже — узнавъ о моемъ положеніи, особенно М. С. Щепкинъ, И. В. Самаринъ и К. Н. Полтавцевъ — приняли во мнѣ горячее участіе. Они, бывши на вечерѣ у графини Л. А. Нессельроде, объяснили ей мою бѣду и просили оказать помощь. Графиня дала слово сдѣлать все возможное, обѣщаясь попросить содѣйствія своего всесильнаго папаши, генералъ-губернатора графа Закревскаго. Между тѣмъ объ моемъ опредѣленіи, еще прежде объясненія, была послана бумага.

1855 годъ.

Рязань.

Въ 1855 году 7 января я былъ утвержденъ на службѣ, съ жалованьемъ 400 руб. сер. въ годъ. Въ конторѣ мнѣ объявили, что со временемъ, по заслугамъ, дадутъ въ награду бенефисъ. Радости моей не было конца. Въ это же время М. А. Н—ва, пріѣхавшая въ Москву, тоже обѣщала похлопотать о моемъ дѣлѣ и познакомила съ братомъ А. А. Б—гомъ. Слава Богу! кажется, все слагается въ мою пользу. Теперь можно и семью свою взять въ Москву. Для этого я отпросился въ отпускъ на нѣсколько дней. Пріѣхавши въ Рязань, я несказанно обрадовалъ жену, товарищей и знакомыхъ. Упросили тутъ меня сыграть хотя одинъ третій актъ изъ „Аскольдовой". Конечно, я не отказался. Публика рязанская выразила свою радость шумнымъ пріемомъ.

— Нашъ актеръ въ Императорскій театръ поступилъ! Вотъ каковы наши-то! говорили любители вслухъ. Но вмѣстѣ съ этими радостями и весельемъ, Богу угодно было посѣтить меня и горестью великой: въ первые дни моего пріѣзда вторая дочь моя Соничка умерла. Бѣдненькая! До моего прибытія она все мучилась, металась и все звала своего папашу! Какъ только я взялъ ее на руки, она тутъ же и скончалась. Ей было $2^1/_2$ года.

Москва.

Возвратясь въ Москву, я продолжалъ играть какъ артистъ, принадлежащій дирекціи. Довелось мнѣ тутъ увидѣть несравненную игру геніальныхъ артистовъ. Изъ всѣхъ пьесъ особенное впечатлѣніе вынесъ я изъ комедіи Грибоѣдова „Горе

отъ ума", въ которой участвовали: Фамусовъ — *М. С. Щепкинъ,* Софья — *Е. Н. Васильева,* Лиза — *А. И. Колосова,* Молчалинъ — *К. П. Колосовъ,* Чацкій — *И. В. Самаринъ,* Скалозубъ — *И. В. Орловъ* или *Ольгинъ,* Платонъ Михайловичъ — *Нѣмчиновъ* или *Дмитревскій,* Наталья Дмитріевна — *Рыкалова* или *Нѣмчинова,* князь Тугоуховскій — *П. Г. Степановъ,* Загорѣцкій — *С. В. Шумскій,* Хлестова — *А. Т. Сабурова,* княжны — *Бороздины 1-ая и 2-ая,* Репетиловъ — *В. И. Живокини* или *Д. Т. Ленскій,* танцующій офицеръ — *Н. М. Никифоровъ,* Петрушка — *А. Ермоловъ*

Боже мой, что это было за исполненіе! Особенно М. С. Щепкинъ, — это художественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный типъ чиновника-барина Екатерининскихъ временъ. Да и всѣ участвующіе одинаково прелестны! Не знаешь, право, кто лучше! Потомъ смотрѣлъ я драму-комедію: „Матросъ", въ которой М. С. Щепкинъ былъ поразительно хорошъ! Его матросская пѣсня и прощанье съ дочерью потрясли меня до глубины души. „Да! Вотъ какъ надо играть!" повторялъ я всякій разъ, выходя изъ театра.

И какъ хорошо, семейно живутъ всѣ артисты. Щепкинъ, Ленскій, Самаринъ, Леонидовъ, Полтавцевъ, Живокини, Никифоровъ, а изъ балета Н. А. Пѣшковъ — всѣ радушно принимали у себя и своихъ и знакомыхъ. Хлѣбосольство вели широкое, задушевное. Всегда, обыкновенно въ свободные дни, у кого-нибудь собирались и проводили вечера очень весело. Изъ декораторовъ таковъ же былъ Осипъ Карловичъ Браунъ. Вотъ оперные мои собраты жили не ладно, другъ друга чуждались.

Паденіе колокола „Ре-утъ".

20-го февраля совершенно неожиданно получили извѣстіе о кончинѣ Государя Николая Павловича. Театры и всѣ увеселенія тотчасъ же закрылись. Этого же числа въ день присяги Государю Александру Николаевичу, во время молебна, въ 3 часа дня, съ средней Ивановской колокольни упалъ колоколъ „Ре-утъ" корноухій. Вѣсу въ немъ 2100 пудовъ. Паденіемъ его убито и изуродовано нѣсколько людей. Колоколъ пробилъ три свода и остановился на землѣ. Говорили,

что падаетъ онъ уже четвертый разъ. Первое паденіе было при Грозномъ, которое произвело въ народѣ волненіе и страхъ. За это царь велѣлъ, какъ бы въ наказаніе, отрубить у колокола ухо. Второе паденіе произошло во время междуцарствія, отъ пожара. Въ третій разъ — во время нашествія французовъ въ 1812 году. Потомъ, вотъ, въ наше время — падаетъ въ четвертый разъ. Толковъ въ народѣ, тоже, было не мало.

Весной роздали намъ роли изъ новой оперы А. Н. Верстовскаго, подъ названіемъ „Громобой". Мнѣ назначили роль кравчаго *Чешко*.

Дѣло мое съ обществомъ г. Темникова снова поднялось. Общество подало жалобу на дирекцію, обвиняя ее въ укрывательствѣ бѣглаго человѣка, подлежащаго отдачѣ въ солдаты. Даже изъ Петербурга прислано было распоряженіе выслать меня на мѣсто родины, но я, имѣя сильныхъ защитниковъ, не особенно-то тревожился. Но вотъ, однажды, полицеймейстеръ И. И. С. пріѣзжаетъ ко мнѣ съ приказаніемъ тотчасъ же явиться къ оберъ-полицеймейстеру. Отправляюсь туда. Въ пріемной чиновникъ немедля повелъ меня въ кабинетъ А. А. Между дверьми я увидѣлъ двухъ жандармовъ съ саблями наголо. Я такъ испугался ихъ, что попятился назадъ. Чиновникъ, улыбаясь, прошепталъ:

— Не бойтесь, входите смѣлѣе; это не про васъ!

Въ кабинетѣ встрѣтилъ меня А. А. Б—гъ.

— Здравствуйте, Лавровъ! ласково сказалъ онъ: я васъ пригласилъ по вашему дѣлу. Намъ предписано взять васъ и отправить на родину, но графъ, по просьбѣ графини Нессельроде, принялъ въ васъ участіе, и потому мы рѣшили такъ: въ эту ночь вы уѣзжайте куда-нибудь изъ Москвы... ну, хоть въ Троицкій посадъ, тамъ пробудьте дня два, а потомъ можете вернуться; а мы, безъ васъ, сдѣлаемъ обыскъ для формы. Жена ваша пусть скажетъ, что вы уѣхали въ какую-нибудь дальнюю губернію... ну, хоть въ Казань, Симбирскъ что ли... Получа отъ нея свѣдѣніе, мы пошлемъ туда на розыски; потомъ, общими силами, будемъ хлопотать. Ну, ступайте съ Богомъ и сдѣлайте такъ, какъ я сказалъ.

Поблагодаривъ А. А., я стремглавъ полетѣлъ домой. Жену Лизу насилу могъ успокоить, такъ она встревожилась, когда

я ей все это сообщилъ. Не мѣшкая ни минуты, собрался я такъ скоро, что часа черезъ два катилъ съ попутчиками по Троицкому тракту.

Возвратившись домой, я узналъ отъ жены, что, дѣйствительно, въ день отъѣзда, ночью, къ намъ нагрянуло жандармское и полицейское начальство. Съ испуга Лиза не знала, какъ и городъ-то назвать, но спасибо, добрѣйшій К. И. О. подсказалъ:

— Я слышалъ — онъ хотѣлъ уѣхать въ Симбирскъ? Туда, вѣдь, уѣхалъ?

— Да, да!... туда! робко проговорила она...

Послѣ этого, вѣроятно, и послали разыскивать актера Лаврова въ Симбирскую губернію. Вотъ будетъ исторія, если тамъ наткнутся на провинціальнаго актера, котораго, тоже, звали Иваномъ Ивановичемъ Лавровымъ! Пострадаетъ, бѣдняга, ни за что, ни про что! Скажетъ онъ мнѣ спасибо!

По совѣту Полтавцева, отправился я къ графинѣ Л. А. Нессельроде. Она приняла меня привѣтливо. Къ этому разу пришла и сама графиня Закревская. При разговорѣ обо мнѣ, она сказала, что я отъ нихъ имѣю защиту и покровительство, добавивъ, чтобы я никого не боялся; ибо безъ вѣдома графа — взять меня не посмѣютъ. На этомъ совѣщаніи Л. А. рѣшила выдать мнѣ денегъ на наемъ охотника. За все это я не зналъ какъ и выразить имъ мою благодарность. Выйдя изъ губернаторскаго дома, поспѣшилъ въ контору, чтобы все передать Верстовскому. Тутъ, тоже, получаю хорошее извѣстіе: артисты добровольно составили денежную подписку для освобожденія моего изъ общества. А. Н. Верстовскій посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ къ директору А. М. Гедеонову съ личной просьбой и объясненіемъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ поѣхалъ я въ Питеръ. Холодъ стоялъ ужасный; морозы доходили до 30 градусовъ. Въ вагонахъ третьяго класса не было возможности сидѣть, зато проѣздъ дешевъ — за весь путь мѣсто стоило три рубля.

Петербургъ.

Не мало я подивился на красивую сѣверную столицу. Что за громадныя зданія! что за мосты! какіе памятники! А такую улицу, какъ Невскій проспектъ, мнѣ еще въ первый разъ

довелось увидѣть. И всюду-то видна роскошь, богатство! Зато, должно быть, дорогонько-таки этотъ городокъ обошелся Россіи. И вправду, Москва передъ нимъ словно деревня какая, а все Питеръ такой оригинальности, такого вида не имѣетъ. Въ Москвѣ, какъ въ Кремль придешь — не налюбуешся! Нѣтъ! все-таки Москва лучше! Она, матушка, нашъ родной городъ.

Справился я когда надо явиться къ директору. Сказали: до 11 часовъ утра. Прихожу на другой день въ пріемную, — народу тьма. Пріютился я скромно въ уголкѣ и сталъ ждать. Спустя, этакъ, часъ времени, изъ другой комнаты входитъ А. М. Гедеоновъ, въ раззолоченномъ мундирѣ, на которомъ красовались лента и звѣзды; съ перваго же пріема началъ онъ кричать и распекать просителей.

„Батюшки, сердитый какой? Ужъ не уйти ли мнѣ по добру, по здорову!“ подумалъ я. Но въ эту минуту онъ, какъ-то круто повернулъ и направился въ мою сторону. Дошла очередь и до меня.

— Что надо? отрывисто и сурово спросилъ онъ.

— Ва... ваше пре... высокопревосходительство... Я изъ Москвы... актеръ Лавровъ... едва слышно проговорилъ я.

— Что вы таскаетесь! и зачѣмъ? Ничего я не могу сдѣлать! гнѣвно проговорилъ А. М. и быстро ушелъ въ парадную дверь.

— Вотъ тебѣ и разъ! дрожа какъ въ лихорадкѣ, промолвилъ я.

Опечаленный такимъ пріемомъ, поплелся я за просителями къ выходнымъ дверямъ. Иду по лѣстницѣ, а слезы невольно такъ и потекли изъ глазъ. Только, вдругъ, чувствую кто-то изъ-за перилъ потянулъ меня за фракъ. Оглядываюсь... какой-то господинъ приглашаетъ минутку обождать. Я остановился, и когда всѣ удалились, незнакомецъ, подойдя ко мнѣ, говоритъ:

— Что вы такъ запечалились? Успокойтесь! Вы не смотрите на него; онъ совсѣмъ не такой! Приходите завтра, да пораньше, такъ, часамъ къ восьми утра. Дѣло будетъ другое, увидите! Приходите непремѣнно, прощайте!

Удивленный такимъ неожиданнымъ вниманіемъ, я сошелъ къ швейцару и, надѣвая шубу, спросилъ:

— Кто это тамъ, наверху, со мною разговаривалъ?

— А это Петруша — камердинеръ генерала.

„А, а!“ думаю — „хлопочетъ и вѣрно не даромъ! Надо взятку дать... да сколько?“ До сихъ поръ я не имѣлъ понятія, какъ это дѣлается. Отъ другихъ слыхалъ, а самому не приводилось. Ну, тамъ увидимъ!

На другое утро, конечно, явился я аккуратно, въ назначенное время. Петруша, какъ видится, только что всталъ. Кивнувъ мнѣ привѣтливо, онъ показалъ на пріемную и проговорилъ:

— Ступайте, подождите тамъ.

„Ну, что-то будетъ? Еще приметъ ли?“ думалъ я, входя въ залъ. Никого, кромѣ меня, не было тутъ. Въ томительномъ ожиданіи простоялъ я около часу. Только слышу: въ сосѣдней комнатѣ, кто-то сталъ насвистывась. Спустя нѣсколько минутъ, входитъ А. М. Гедеоновъ въ шлафрокѣ и съ трубочкой. Я тотчасъ отвѣсилъ почтительный поклонъ. Подойдя ко мнѣ, онъ довольно ласково спросилъ:

— Вы кто?

— Изъ Москвы... Лавровъ... актеръ русской оперы, ваше высокопревосходительство.

— Да, да! слышалъ, мнѣ писали о тебѣ Верстовскій и графиня Нессельроде, — попыхивая изъ трубочки, проговорилъ онъ. Ну, такъ, чѣмъ же могу помочь?

— Ваше высокопревосходительство, удостойте написать къ тамбовскому губернатору... По вашему желанію, вѣроятно, онъ все сдѣлаетъ! умильно доношу я.

— Хорошо! Тамъ, вѣдь, Данзасъ, — онъ мой хорошій пріятель. Эй! кто тамъ есть? крикнулъ онъ.

На зовъ вошелъ чиновникъ, его секретарь.

— Евгеній Макарычъ! обратился къ нему А. М.: напишите въ Тамбовъ губернатору Данзасу письмо, въ просительномъ тонѣ, чтобы онъ способствовалъ уволить изъ общества служащаго у насъ артиста Лаврова.

— Слушаю-съ! поклонившись, отвѣчалъ чиновникъ.

— Надѣюсь, что все это устроится! сказалъ мнѣ А. М., кивнувъ головою.

Я откланялся. Оторопѣлый, въ радости, иду и ногъ подъ собой не слышу. Петруша встрѣчаетъ меня на лѣстницѣ и спрашиваетъ:

— Ну, что? Уладилось ваше дѣло?

— Да, спасибо вамъ! Вотъ мнѣ хотѣлось бы поблагодарить... бормоталъ я, вынимая красненькую.

— Не надо, не надо, г. Лавровъ! Вы человѣкъ небогатый, вамъ и безъ того тратъ-то предстоитъ не мало! Мы знаемъ съ кого взять! Ступайте съ Богомъ да кончайте успѣшно ваше дѣло. Прощайте!

Удивленный и сконфуженный, я не зналъ что и отвѣтить. Петруша, поклонясь, скрылся отъ меня. Швейцаръ, однако, не былъ такъ милостивъ: съ достоинствомъ холуя, какъ должную дань, принялъ отъ меня цѣлковый-рубль.

Веселый, довольный катилъ я обратно въ Москву. Тутъ все уже было подготовлено. Л. А. Нессельроде выдала мнѣ деньги и кромѣ того, вручила докторское свидѣтельство отъ А. И. Овера, на случай, если бы понадобилось. А. Н. Верстовскій тоже объявилъ мнѣ, что я могу изъ кассы получить собранныя по подпискѣ деньги отъ артистовъ. Я было не хотѣлъ брать эти деньги, но А. Н. замѣтилъ:

— Отказываться, братецъ, нельзя! Артисты это сдѣлали по сочувствію къ тебѣ. Ты ихъ обидишь, если не возьмешь! Можетъ, и тебѣ для товарищей придется оказывать помощь.

Я тотчасъ же съ этимъ доводомъ согласился. Получа деньги, отпускъ и подорожную, 20-го числа декабря, вечеромъ, вмѣстѣ съ матушкой, помчался на почтовыхъ вдоль по дорожкѣ да по Владимірской.

Муромъ.

Въ эту зиму жена моя, съ дочерью Варенькой, находилась въ труппѣ содержателя Иванова, въ Костромѣ. Зная, что этотъ полуграмотный антрепренеръ-кулакъ плохо выплачиваетъ жалованье, я выслалъ ей изъ Мурома денегъ, чтобы было чѣмъ встрѣтить праздникъ.

Отъ Мурома, за Окой, опять потянулись знакомые дремучіе лѣса муромскіе и саровскіе. Только въ зимнее время они не имѣли той красоты, какъ лѣтомъ. Мощно, угрюмо вздымались надъ снѣжными сугробами гигантскія сосны и ели. Вспомнилось тутъ мое счастливое дѣтство. Бывало

такъ же, зимней порою, ѣзжалъ я этою дорогой, на возахъ. Холодъ, морозъ, такъ вотъ и пронизываетъ тебя! Руки, ноги закоченѣютъ, и ты ждешь не дождешься теплаго пристанища. Ночью-то верхушки елей издали кажутся точно кресты церковные. Думаешь: вонъ село... анъ, нѣтъ! это все деревья, и деревья безъ конца! Но вотъ заслышится звонкое „кукареку!“ и вдали такъ привѣтливо замелькаютъ огоньки отъ фонарей встрѣчавшихъ насъ дворниковъ. Встрепенешься и оживешь... Смотришь, вотъ и дворъ постоялый, гдѣ возчики привыкли останавливаться у знакомаго. Заскрипятъ ворота... Мужички еще возятся съ лошадьми, а я ужъ давно грѣюсь на горячей лежанкѣ. Чувствуешь, какъ по всему тѣлу разливается теплота. А тутъ, подъ образами, за большимъ столомъ, пыхтитъ большущій самоваръ!... Ахъ! гдѣ это времечко?

Саровская пустынь.

Съ большой дороги свернули на просѣку, ведущую къ Саровскому монастырю. Уже стемнѣло, когда мы подъѣхали къ пустыни. Это было, какъ разъ подъ самое Рождество. Богомольцевъ понаѣхало множество. Я было хотѣлъ остановиться въ купецкой гостиницѣ, но монахъ, среднихъ лѣтъ, красивый такой, предложилъ мнѣ помѣститься въ дворянскомъ отдѣленіи, которымъ онъ завѣдывалъ. Онъ отвелъ мнѣ большую чистую комнату, увѣшанную портретами духовныхъ и царскихъ особъ. Мамашу помѣстили въ женскомъ отдѣленіи. Монахъ-смотритель оказался человѣкомъ довольно хорошо образованнымъ; прежде служилъ онъ во флотѣ и былъ большой любитель театра, какъ онъ пояснялъ. На мой вопросъ: почему онъ оставилъ свѣтъ? — далъ отвѣтъ уклончивый.

Служка устроилъ мнѣ на диванѣ такую постель, что чудо! съ дороги-то да съ холоду, напившись чайку, я живо заснулъ.

Въ полночь пробудилъ меня могучій, бархатный звонъ большого колокола.

Признаться, не хотѣлось вставать, да совѣстно было въ такой великій праздникъ не пойти въ церковь, да еще и въ пустыни.

Монахъ мнѣ совѣтовалъ не торопиться.

— „У насъ“, говоритъ, „заутреня идетъ часа четыре, а то и

больше. Напрасно такъ рано хотите итти“, уговаривалъ онъ „устанете. Поспите. Послѣ второго звона я велю разбудить васъ, и то настоитесь вдоволь!“

Но я изъявилъ желаніе простоять всю службу — съ начала до конца — и хорошо сдѣлалъ: служеніе было чрезвычайно торжественное, хоры поющихъ стройно раздавались по величественному храму. И какіе чудесные голоса у всѣхъ, даже у чтецовъ! Произношеніе ихъ было настолько ясное, что каждое слово слышалось отчетливо, понятно.

И я такъ былъ увлеченъ всѣмъ, что заутреня-то въ нѣсколько часовъ показалась короткой.

— Ну, что? Не утомились вы? спросилъ меня знакомый монахъ.

— Нѣтъ, батюшка, напротивъ; я, просто, въ восхищеніи! Такого служенія, такого торжества и голосовъ — рѣдко можно увидѣть и услышать.

Отецъ А. самодовольно улыбнулся.

— Да! У насъ обрядность древняя, строгая! Я вамъ совѣтовалъ бы теперь пойти къ „ранней“ въ церковь Іоанна Предтечи, на источникъ, — тамъ служба самая ранняя; потомъ будутъ обѣдни средняя и поздняя. Вамъ лучше тамъ и простоять, а послѣ, накушавшись чайку, отдохнуть до трапезы.

Я согласился и поступилъ такъ, какъ онъ совѣтовалъ. Служка будилъ меня нѣсколько разъ, — такъ сильно я разоспался.

— Братія и богомольцы уже за трапезой! уговаривалъ онъ меня.

Отецъ А. распорядился принести мнѣ кушанье въ гостиницу. Какая превосходная рыба, икра, и вообще вся провизія! Квасъ, какъ напитокъ, хорошій. Послѣ обѣда отецъ А. угостилъ меня диковиннымъ старымъ медомъ.

— Ну, отецъ А—ръ, съ роду впервой пью такой медъ! Право, лучше всякаго вина заморскаго.

— Это еще не самый лучшій! отвѣтилъ онъ, тоже попивая медъ. Теперь, вотъ, нѣтъ старшаго эконома, — уѣхалъ онъ по дѣламъ въ Тамбовъ, — а то бы я васъ угостилъ такимъ, что хранится у насъ въ погребахъ многіе годы. Бережется онъ для случая, когда пріѣдутъ высокіе гости изъ свѣтскихъ или духовныхъ.

— Да ужъ и этотъ хорошъ, нечего сказать! И въ голову, и въ ноги — такъ и шибаетъ!

Поговорили мы тутъ съ отцомъ А—мъ о столицахъ, о театрахъ и вообще о городскихъ новостяхъ. Очень онъ остался доволенъ такой бесѣдой. Въ память нашего знакомства, подарилъ онъ мнѣ книжку: „Описаніе Саровской пустыни, составленное іеромонахомъ Авелемъ. Изд. 1853 года, въ Москвѣ“.

Въ этотъ же вечеръ, дружески простясь съ гостепріимнымъ и радушнымъ отцомъ А—мъ, отправились мы съ мамой въ Темниковъ.

Темниковъ.

(1856 годъ.)

Съ непритворною радостью встрѣтили насъ родные. Они сказали, что сюда пріѣзжалъ изъ Тамбова чиновникъ отъ губернатора и спрашивалъ меня; прожилъ онъ здѣсь дня три и только недавно уѣхалъ въ уѣздъ по какимъ-то важнымъ дѣламъ. Въ Темниковѣ скоро я свелъ знакомство съ управляющимъ откупами А. Я. Алянчиковымъ, городничимъ, докторомъ и другими лицами.

А состарился мой дядя Иванъ Евменычъ. Да вѣдь, и годовъ-то ему не мало, пожалуй около 90 лѣтъ будетъ, а все еще бодръ, веселъ и отъ чарочки не прочь!

— Ну, что, дядя? какъ твоя гусиная охота?—въ бесѣдѣ съ нимъ спросилъ я.

— Ничего, племянникъ, ведется. Есть у меня теперь гусакъ, боецъ такой... во всемъ округѣ нѣтъ ему супротивника! Я тебѣ покажу его.

— А пчелки, дядя, водятся?

— Охъ, плохо! почитай перевелись всѣ.

— Отчего жъ такъ?

— Сказать тебѣ — смѣяться будешь... А у насъ это въ примѣтахъ... Признаться, не любилъ я никогда, чтобы лишніе люди входили въ мой пчельникъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, пріѣхалъ сельскій попъ, родственникъ даже... завидущій онъ такой, прости, Господи! На тотъ неладный случай былъ я на пчельникѣ, а онъ и шасть ко мнѣ... Распустилъ свои глазищи на колодки да на пчелъ-то и говоритъ: „Ишь-ты, сколько у те добра-то!“ А мнѣ ужъ куда не понутру, что онъ и пришелъ-то! Словно, вотъ, кто шепчетъ мнѣ: не къ добру его

глазокъ-то! Съ тѣхъ, вотъ, поръ и стали мои пчелки переводиться да переводиться.

— Ну, ничего, дядя, не горюй! Я тебѣ отъ души сдѣлаю подарокъ: куплю колодки три. Ты подыщи — гдѣ лучше имѣются пчелы.

— Ахъ, ты мой родной, мой дорогой племянникъ! Ужъ коли такъ, поѣдемъ въ Санаксырь. Тамъ экономъ мнѣ съ родни. Дастъ важныхъ пчелокъ и недорого.

— Ладно! На дняхъ съѣздимъ туда, а теперь, пока, прощай, дядя; пойду хлопотать по своему дѣлу.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, мой хорошій, мой добрый! Дай тебѣ Господь устроить все дѣло благополучно. Начальство-то наше какъ тебя полюбило, — весело проговорилъ дядя, провожая меня за калитку.

Стряпчій В. В. этимъ временемъ повелъ за меня переговоры съ обществомъ. Міроѣды все упирались и кричали на сходкѣ:

— Нашихъ дѣтей незаконно перехватали! а все изъ-за этихъ бѣгуновъ: они, шельмецы, все отлынивали! Нельзя же его такъ отпустить!

— Губернаторъ, слышь, приказъ далъ! урезонивали другіе. Не бойсь, слышалъ, какъ чиновникъ онамедни толковалъ?

— Да что намъ губернаторъ да чиновникъ? горлопанилъ міроѣдъ. Они намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ!

Во время разгара этой сходки А. Я. Алянчиковъ прислалъ имъ отъ моего имени боченокъ водки. Православные мои сограждане остались очень довольны такимъ подаркомъ; смягчились даже недоброжелательные говоруны. Тутъ, вкусивши зелена-винца, повели они рѣчь иную.

— Ну, что жъ! Такъ ужъ и быть, Господь съ нимъ! Отпустимъ, пущай его! Ишь малый къ хорошему дѣлу приладился... не замай! Только, все жъ, даромъ нельзя: первое дѣло недоимку предоставь... да еще у насъ много есть бѣдныхъ неплательщиковъ — вотъ онъ за нихъ и внеси!

И порѣшили они, чтобы за увольненіе я уплатилъ въ общество недоимку за 30 бѣднѣйшихъ семействъ и сиротъ. Рѣшенію ихъ я не противорѣчилъ и вполнѣ на это согласился. Въ тотъ день, когда все было готово и покончено, А. Я. созвалъ насъ, общихъ его знакомыхъ, къ себѣ на обѣдъ. И когда за десер-

томъ хлопнула пробка отъ шампанскаго, мнѣ подали закрытое блюдо. Открывъ его, я увидѣлъ бумагу, въ которой заключалось мое увольненіе изъ общества. Всѣ шумно поздравили меня съ окончаніемъ дѣла. Это такъ меня обрадовало, что я не скоро могъ прійти въ себя. На радости такой ужъ и загулялъ я такъ, какъ только подобало свободному человѣку.

Посмотрю я, какъ бѣдны стали жители нашего города! Дома, почти сплошь, зачернѣли, погнили, похилились; заборы, загороди развалились; садочки заросли! Совсѣмъ не то, что было прежде, какъ я еще припомню. Хотя дешевизна на все неслыханная, но зато заработковъ и денегъ добыть негдѣ. Одно родственное мнѣ семейство я нашелъ въ такой крайности, что сердце заболѣло отъ жалости. Старшой ихъ хилый, немощный; дѣти болѣзненныя; бабушка лежала отъ старости на печи, а и печка-то была холодная, другой день нетопленая: дровъ не было,— тогда какъ здѣсь возъ можно купить за 40 коп. Мясо, чай, какъ недоступную роскошь, они имѣли только по великимъ праздникамъ, да и то по милости добрыхъ людей. И такихъ семействъ въ городѣ не мало. Вотъ бы пресыщеннымъ, скучающимъ богачамъ въ такія мѣста заглянуть! Впрочемъ, что жъ я говорю! Гдѣ нѣтъ ее этой горькой, безысходной голытьбы?

Передъ отъѣздомъ изъ Темникова пожелалъ я почтить память отца. Для этого попросилъ двоюродную сестру Машу заказать обѣдню въ Польской кладбищенской церкви. Отца своего я лишился, когда мнѣ было только года полтора. Къ сожалѣнію, могилу его не могъ разыскать; всѣ запамятовали, гдѣ онъ и похороненъ-то.

Послѣ совершенія должнаго обряда, я вручилъ попу всю мелочь серебряную, какая находилась въ карманѣ. Придя домой, Маша разсказала, какой послѣ меня произошелъ случай.

— Ахъ, братецъ, что ты сдѣлалъ съ причтомъ! говорила она, смѣясь.

— А что?

— Да они, вѣдь, подрались! Діаконъ-то видѣлъ, какъ ты далъ горсть серебра. Стали дѣлить; ему показалось мало. Онъ думалъ денегъ-то страсть сколько! Сто рублей!

— Вотъ глупости! небойсь, тамъ и денегъ-то всѣхъ было не больше пяти-шести рублей. Ну, да они помирятся! добавилъ я, смѣясь.

Дядя Иванъ Евменычъ сообщилъ мнѣ, что попы соборные обижаются за то, что не приглашаю ихъ. „Онъ, вѣдь, былъ нашъ прихожанинъ, такъ не грѣшно бы угостить насъ хлѣбомъ-солью!“ говорили они.

— Что жъ! я не прочь угостить духовенство. Да, кстати, дядя, пригласи ты и думскихъ, которые поважнѣе. Ужъ заодно.

— Знамо дѣло; пересуду не будетъ! Съ доброй памятью отъ насъ поѣдешь,—урезонивалъ дядя.

Для этихъ гостей домашніе наши наварили, напекли, нажарили—страсть сколько! Запасся я и питіемъ не малымъ.

На пиръ мой собрались: два священника, два діакона да человѣка три-четыре думскихъ. Сначала бесѣда наша шла вяло; все стѣснялись мы другъ друга, не знали о чемъ и какъ рѣчь вести, ну, а потомъ, какъ изрядно подпили, то и полилась откровенность нараспашку. Увидѣлъ я тутъ, какъ всѣ заправилы общественные малограмотны, какъ узокъ былъ ихъ кругозоръ понятій и свѣдѣній, а вѣдь, въ сущности, они были люди далеко не глупые.

Изъ разговоровъ съ ними—я вывелъ заключеніе, что всѣ ихъ заботы и дѣйствія стремились только для личныхъ, житейскихъ нуждъ. Начальство и общественники все только маклачили для своего кармана; объ улучшеніи быта жителей и учрежденіи школъ ремесленныхъ и промысловыхъ у нихъ и заботъ не было.

— Гдѣ намъ всѣмъ этимъ заниматься! пояснялъ на мои рѣчи думецъ. Жители-то наши все голь перекатная! На подати да городскія надобности и то бьешся, бьешся, насилу половину выберешь. Сами вы, Иванъ Иванычъ, поживши здѣсь, чай, видѣли бѣдноту-то нашу?

— Какъ же старики-то наши? Жили, вѣдь, въ достаткѣ... нужды такой не видѣли! замѣчаю я.

— Старики! перебилъ ражій діаконъ: старики-то живали по-Божески, къ церкви были радѣльцы, да и духовенство чтили не по-нонѣшнему.

— Это доподлинно! вторилъ ему захмелѣвшій попъ. —Те-

перь къ нашему брату, духовной особѣ, уваженья не стало, да и сборы ужъ не тѣ... вотъ Богъ и наказываетъ!

— Сборы не тѣ! Богъ наказываетъ! съ упрекомъ отнесся одинъ изъ гласныхъ.—Грѣшно тебѣ, батька, такъ говорить-то! Вы, вотъ, ни повинностей, ни платежей никакихъ не знаете, живете себѣ — дай Богъ всякому!

— А зато жъ мы... за васъ передъ престоломъ... ходатайствуемъ!... икая, ввернулъ другой попъ. — Хлопотъ-то... тожъ... не мало съ вами... то крести, то вѣнчай, то хорони... а тутъ, кромѣ того... и своя служба...

— Вамъ что! зычно воскликнулъ діаконъ, ударивъ могучимъ кулакомъ по столу: — вашъ братъ выучился кое-какъ читать да выводить каракули — ну и пошелъ обмѣривать да обсчитывать! Нѣтъ! Ты, вонъ, потри-ка лямку-то по-нашему! Поучился бы въ семинаріи, такъ узналъ „Кузькину мать“!

Отъ такой остроты весь синклитъ загоготалъ. Думцы ощетинились.

— Почтенное духовенство... несуразныя рѣчи ведете! отвѣтилъ тоже порядочно захмелѣвшій думецъ. — Вамъ, конечно, Господь подаетъ... а все жъ... какъ будто... безъ насъ, православныхъ, вы и дышать не можете!... Нѣтъ! на „подай, Господи“ далеко не уѣдешь!...

— Ахъ ты, борода мочальная! вскочивъ, гнѣвно зарычалъ ражій діаконъ. — Хулу такую произносишь! Да я тебя такъ встряхну, что ты у меня несвоимъ голосомъ завопишь...

Видя, что охмелѣвшіе мои гости пошли на ссору, я поручилъ дядѣ ихъ помирить и проводить, а самъ незамѣтно ушелъ изъ дому и направился къ А. Я. Алянчикову. Послѣ я узналъ, что духовенство съ думцами подрались, — насилу ихъ розняли. Ражій дьяконъ остался побѣдителемъ. Всѣхъ другихъ: кого повезли, кого повели, — одинъ діаконъ-герой пошелъ безъ помощи, распѣвая на улицѣ ирмосы и кондаки.

Наконецъ пришло время отправляться въ Москву. Смѣшной случай произошелъ напослѣдокъ: казначей за что-то питалъ ко мнѣ непріязнь, а поэтому, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность, отказалъ въ выдачѣ подорожной; я явился

въ казначейство съ полицейскимъ свидѣтельствомъ, которое онъ требовалъ, и объявилъ, что если отъ этой задержки я опоздаю на службу, то тогда отвѣтственность падетъ на виновныхъ, а отвѣтственность эта пахнетъ, кромѣ гнѣва г. директора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. М. Гедеонова, еще и денежнымъ взысканіемъ въ количествѣ полнаго сбора отъ тѣхъ спектаклей, которые безъ меня не пойдутъ. Эта напускная угроза, вѣроятно, испугала моего соперника; онъ, извиняясь, тотчасъ же выдалъ мнѣ подорожную. Послѣ я узналъ, что казначей этотъ страшно бѣсился за мой дерзкій тонъ.

— Мѣщанинишко-то... а! какъ сталъ поговаривать съ чиновными особами! ораторствовалъ онъ въ своемъ присутствіи. Да, если бы онъ прежде осмѣлился такъ отвѣчать, такъ я бы его въ бараній рогъ согнулъ!

— Да, вотъ, поди ты! подсмѣивался А. Я. Алянчиковъ, случившійся при этомъ. — Прежде-то можно было, а теперь ничего съ нимъ не подѣлаешь. Смотрите, какъ бы онъ не нажаловался какому-нибудь важному лицу... Говорятъ, онъ бываетъ въ домѣ генералъ-губернатора графа Закревскаго... А вѣдь, какъ сказываютъ, онъ имѣетъ власть сослать виновныхъ туда, гдѣ Макаръ и телятъ не гонялъ!...

— Неужели! съ испугомъ воскликнулъ казначей. — Такъ надо бы съ этимъ актеромъ помириться.

Но мириться мнѣ съ нимъ не пришлось; 20 января, простясь съ родными и знакомыми, я съ матушкой выѣхалъ изъ града Темникова.

Матушка моя несказанно рада была окончанію моего дѣла. Добрый старикъ, мой дядя, съ плачемъ, далеко за околицу провожалъ насъ. И ужъ какъ онъ благодарилъ за пчелокъ, которыхъ я ему купилъ. При прощаніи насилу могъ уговорить его принять отъ меня за пожитое небольшую сумму денегъ.

Ну, прощай, мой родимый городъ! прощайте, родные! Увижу ли васъ когда-нибудь...

И помчался я тою же дорогой на Муромъ. Хорошо, что я запасся мелкими деньгами: въ это время серебряной монеты на станціяхъ, въ городахъ и селахъ достать было трудно. На одной станціи какой-то проѣзжій съ семействомъ проси-

дѣлъ цѣлый день изъ-за того только, что сдачи не было; имѣя возможность, я выручилъ его, а то Богъ знаетъ, сколько пришлось бы ему ждать.

Посмѣшилъ меня тожъ не мало одинъ станціонный смотритель-старичокъ. Робко, съ почтеніемъ подавая подорожную, спросилъ:

— Осмѣлюсь васъ безпокоить моимъ любопытствомъ: какого рода ваша служебная обязанность при дворѣ и въ какомъ изволите быть чинѣ?

Сразу я былъ озадаченъ такимъ вопросомъ, потомъ ужъ мнѣ стало до крайности смѣшно. Едва удерживаясь отъ смѣха, я по-хлестаковски отвѣчалъ ему: „Я занимаю должность лицедѣя въ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ его величества, ну, а чинъ... чинъ не меньше генеральскаго". Смотритель послѣ такого, вѣроятно, непонятнаго для него объясненія, все-таки, провожая меня, отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Москва.

(1856 годъ.)

Возвратясь въ Москву съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ, я уже вполнѣ принадлежалъ дирекціи. Съ пріѣздомъ моимъ снова начали репетировать „Громобоя" и еще давно не игранную оперу Верстовскаго: „Сонъ на яву",— все это готовилось для Большого театра. Между тѣмъ пришлось мнѣ, по необходимости, исполнять роли любашей въ родѣ Артура изъ оперы „Лючія". И куда какъ не понутру было мнѣ ихъ играть; признаться сказать, я былъ въ нихъ не на своемъ мѣстѣ. То ли дѣло — въ нашемъ русскомъ костюмѣ!... тутъ я былъ все равно, что дома. Приходилось мнѣ играть и съ драматической труппой, напр. въ „Анютиныхъ глазкахъ", „Ямщикахъ" и въ „Мельникѣ" Аблесимова, и др.

Ранней весной приступили къ возобновленію Большого театра. Постройка шла спѣшная. Говорили, приказъ такой данъ, чтобы къ коронаціи непремѣнно театръ былъ готовъ. Великимъ постомъ все давали концерты съ живыми картинами, а послѣ Пасхи, хотя и шли оперные спектакли, но на короткое время; съ наступленіемъ тепла только одна драматическая труппа давала представленія.

Лѣтомъ контора театровъ не выдавала служащимъ и артистамъ жалованье. Сколько отъ этого переносили мы лишеній! Позаложили все, что только имѣлось. А каково было балету и хору, которые получали до крайности мизерное жалованье. Бѣдные! Придутъ они въ контору и со слезами умоляютъ выдать имъ хотя сколько-нибудь. Нѣтъ! Чиновники подведутъ ихъ къ окну и, показывая на Большой театръ, скажутъ:

— Смотрите, вотъ откуда наше общее бѣдствіе!

Ужъ какъ передышали лѣто — одинъ Богъ знаетъ! Я свою бѣдную жену Лизу по этому случаю протурилъ въ Кострому къ антрепренеру Машкову; мы съ ней надѣялись, что она тамъ хоть что-нибудь заработаетъ, но не тутъ-то было! Эти содержатели театра просто кулаки; дѣла свои ведутъ безъ гроша, на авось. Едва, едва жена могла получить столько, чтобы добраться до Москвы.

Въ августѣ Москва все болѣе и болѣе стала оживляться. Пріѣзжихъ изъ разныхъ сторонъ понаѣхало множество, а потомъ нахлынулъ и весь петербургскій театральный міръ: тутъ были итальянцы, французы, оперный оркестръ, хоръ, балетъ — и все въ полномъ составѣ. Многіе изъ этого люда помѣстились въ баракахъ, устроенныхъ на Театральной площади. Бѣдные московскіе артисты попали въ загонъ, точно ихъ и не существуетъ. Спасибо, осталась на виду наша знаменитая драматическая труппа.

Коронація Александра II.

Наконецъ и коронація наступила со всѣми парадами, балами и всякаго рода диковинными увеселеніями. Мнѣ съ женой, хотя и съ билетами, съ трудомъ довелось попасть въ Кремль.

Полиція во всемъ своемъ многочисленномъ составѣ и даже при участіи жандармовъ не въ силахъ была удержать напора громадной толпы. Массы всякаго званія людей, какъ волны бурныя, ринулась на блюстителей порядка и благочинія, стоптали, смяли ихъ и въ нѣсколько минутъ покрыли собою всю Ивановскую парадную площадь. И когда Государь и Государыня шествовали по красному сукну въ соборы и въ Чудовъ монастырь, поднялся звонъ, пушечная пальба и громогласные

крики ура — ну, просто, заглушили! Минута, дѣйствительно, была торжественная! Но вотъ Государь и Государыня вышли на балконъ и поклонились, махая платками, настоящему русскому народу, какъ туча непроглядная стоявшему по набережнымъ Москвы-рѣки.

Вотъ тутъ-то поднялся стонъ и ревъ такой, что ужасъ на меня напалъ. „Вотъ она сила-то настоящая народная! Вотъ она какая!“ подумалъ я. И эта могучая русская сила-кормилица, недопущенная въ Кремль, смиренно и терпѣливо дожидалась того, чтобы хоть мелькомъ взглянуть на своего любимца „батюшку-царя“!

30-го августа въ возобновленномъ Большомъ театрѣ данъ былъ первый парадный спектакль. Какая блестящая отдѣлка и обстановка! А къ этому еще и публика была такая, что и самый залъ затмила роскошью и богатствомъ нарядовъ. При царской фамиліи много было иностранныхъ высокихъ гостей и вся придворная свита; въ креслахъ все сидѣли генералы въ красныхъ лентахъ. Какъ только Государь вошелъ въ ложу, его привѣтствовали шумно, восторженно. Тотчасъ же поднялся новый занавѣсъ, писанный художникомъ Дузи. Сказывали, что ему за работу было уплачено 12 тысячъ рублей.

Спектакль начался гимномъ, который мы всѣми труппами исполнили три раза; потомъ шла опера „Любовный напитокъ“, въ которой участвовали: Бозіо, Лаблашъ и Кальцолари. Въ первый разъ привелось мнѣ услышать такихъ великихъ и знаменитыхъ пѣвцовъ; удивленію и восторгу моему не было конца. Жаль только, ихъ все торопили. А. М. Гедеоновъ то и дѣло бѣгалъ за кулисы и твердилъ: „скорѣе, скорѣе!...“ Пришлось пропускать цѣлыя сцены. Надо было видѣть, какъ ловко и незамѣтно справилъ дѣло капельмейстеръ Бавери. Послѣ оперы шелъ какой-то маленькій балетъ при участіи европейской извѣстности, Фанни Черитто.

Публика, согласно этикету, во весь спектакль не апплодировала; все представленіе кончилось ранѣе 10-ти часовъ. За коронацію всѣ питерскіе и иностранные артисты получили благоволеніе и подарки, только московскіе, кажется, были позабыты.

Еще прошлаго года, по приказу А. Н. Верстовскаго, я сталъ посѣщать классъ пѣнія у Тамброни. Классъ находился въ нижнемъ этажѣ въ домѣ театральной конторы, на Большой Дмитровкѣ. Ученики и ученицы, числомъ до тридцати, только были приходящіе. Никакихъ формальностей не требовалось, а лишь записывали въ классную книгу свое имя, отчество и фамилію да мѣсто жительства.

Осенью поставлена была опера Верстовскаго „Громобой". Для роли кравчаго Чешко былъ приглашенъ А. О. Бантышевъ, а мнѣ дали роль Козырька. Постановка оперы была великолѣпная. Билеты на нее публика брала съ бою. Бантышевъ замѣтно утратилъ свой дивный голосъ. Хотя его и принимали радушно, но ужъ это, вѣроятно, за прежнія его заслуги. А все-таки въ „Аскольдовой" и въ „Анютиныхъ глазкахъ" замѣчательно онъ былъ хорошъ, несмотря на то, что голосовыя средства ему измѣняли; зато въ оперѣ „Волшебный стрѣлокъ", въ роли Макса, онъ совсѣмъ былъ плохъ.

1857, 1858, 1859, 1860 годы.

Въ 1857 году ѣздилъ я въ Нижній на ярмарку. Думалъ попасть на условія въ театръ, — не удалось: ужъ очень много нашихъ столичныхъ понаѣхало. Спасибо, при участіи Климовскаго и Шмитгофъ, я могъ соорудить концертикъ, который, хотя немного, но выручилъ меня. Изъ Нижняго поѣхалъ я съ актеромъ Иваномъ Васильевичемъ Кулебякинымъ въ Ярославль. Съ этимъ Кулебякинымъ одинъ разъ шли мы съ откоса; идя рядами на Нижнемъ базарѣ, Климовскій указалъ Кулебякину на чугунную бабу-сваю и насмѣшливо проговорилъ:

— А вотъ тебѣ, Ванька, эту штуку не осилить!

Тотъ, не думая долго, схватилъ сваю въ охапку и, пронеся ее шаговъ двадцать, бросилъ.

Сторожъ въ рядахъ даже ужаснулся.

— Что ты чортъ аль человѣкъ! воскликнулъ онъ.

А въ бабѣ-то было вѣсу, пожалуй, больше двадцати пудовъ...

Въ 1858 году Бантышевъ оставилъ службу, а Петровъ А. Ф., нашъ теноръ, умеръ отъ чахотки. Бѣдный! Сколько лѣтъ онъ все добивался прибавки къ его ограниченному жа-

лованью, и ему все обѣщали да обѣщали; наконецъ, когда ужъ онъ умеръ, вышла обѣщанная прибавка. О доброе театральное начальство! Оно всегда найдетъ тебя во-время! На мѣсто Петрова поступилъ на нашу сцену изъ Петербургской оперы теноръ М. П. Владиславлевъ. Сказывали, что до этого онъ въ Питерѣ былъ на роляхъ баритонныхъ партій. Дебютировалъ онъ въ Москвѣ на бенефисѣ Семеновой въ оперѣ „Марта“ и произвелъ фуроръ. Съ нимъ пошли „Громобой“, „Сонъ наяву“, „Робертъ“ и „Фенелла“. Въ оперѣ „Сонъ наяву“ я игралъ Весну, а въ „Робертѣ“ — Рембо; обѣ эти роли провелъ я успѣшно. Въ этомъ году воротилась моя мамаша изъ путешествія въ старый Іерусалимъ; въ дорогѣ пробыла она больше году. Еще съ 1836 года, послѣ моего съ сестрой опредѣленія на мѣста, она посвятила себя хожденію по свв. мѣстамъ, и ни одного года не проходило безъ того, чтобы она куда-нибудь не сходила; бывало только наступитъ весна, ей ужъ и не сидится, покрехтитъ, поохаетъ да и скажетъ:

— Надумала я, Ванюшенька, навѣстить своихъ въ Темниковѣ; оттуда пойду къ святителю Митрофанію и Тихону Задонскому, да ужъ кстати, мимоходомъ, заверну въ Кіевъ поклониться угодникамъ Божіимъ.

Такъ до осени и не видишь ее. Во всѣ свои путешествія и странствованія она была нѣсколько разъ въ Кіевѣ, Почаевѣ, на Валаамѣ и въ Соловкахъ, кромѣ того и во многихъ другихъ монастыряхъ, и все-то ходила она большею частью одна одинёшенька! Бывало спросишь ее:

— И не скучно вамъ, мамаша, одной-то ходить?

— Нѣтъ, сыночекъ, отвѣтитъ она. — Одной-то лучше: пересуду да соблазну не знаешь, бредешь себѣ да бредешь полегоньку, и когда устанешь, сядешь отдохнуть на какомъ-нибудь бугоркѣ, чтобъ полюбоваться краемъ, а то и въ лѣсу. Тутъ тебѣ птички разныя поютъ! Таково-то хорошо! Опять же на ходу-то — чужія сторонки и всякихъ людей повидишь. Вотъ тоже любо, когда моремъ плывешь; оно хоть подъ часъ и жутко бываетъ, а все-таки хорошо! Ну, какъ все это увидишь да испытаешь, на другой-то годъ такъ ужъ тебя и тянетъ куда-нибудь на новыя мѣста.

Весною 1858 года, 27-го апрѣля, родился у меня сынъ Николай. Крестили въ ц. Троицы въ Троицкомъ. Лѣтомъ,

спустя два мѣсяца послѣ родовъ, жена Лиза вздумала выкупаться, и это повело къ гибельнымъ послѣдствіямъ: все лѣто ей нездоровилось; только къ осени она какъ будто бы поправилась.

Осенью же подвернулся директоръ Казанскаго театра Мирцевъ; онъ пригласилъ Лизу на зимній сезонъ въ Казанскій театръ и на очень хорошихъ условіяхъ, — она съ радостью согласилась поѣхать. Въ началѣ сентября проводилъ я жену съ дѣтьми въ путь. Въ ноябрѣ получаю черезъ Полтавцева извѣстіе, что Лиза, какъ пріѣхала въ Казань, такъ и слегла больная въ постель и до сихъ поръ не встаетъ. При этомъ увѣдомленіи мнѣ совѣтовали непремѣнно съѣздить навѣстить ее. Растерялся я совсѣмъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, репертуаръ шелъ такой, что мнѣ ранѣе 5-го декабря невозможно было выбраться. Ѣду я, и дорогой все-то преслѣдуетъ меня какое-то недоброе предчувствіе. Изъ Нижняго мнѣ попался попутчикъ, молодой офицеръ, который своею веселостью и розсказнями старался меня развлечь, но чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Казани, тѣмъ все больше и тяжелѣе душила меня тоска.

Въ послѣдній вечеръ пути, проѣзжая мимо памятника Грознаго, я на свѣтящемся въ немъ огонькѣ, по суевѣрію, загадалъ: потухнетъ или нѣтъ? Не успѣлъ я помыслить, огонь исчезъ. Дрожь пронизала меня...

„Пустое!“ думаю себѣ. „Можно ли вѣрить глупымъ примѣтамъ“. Ночью не скоро мы нашли съ офицеромъ домъ, гдѣ жила жена. Войдя во дворъ, я замѣтилъ отблескъ серебрянаго креста; подхожу ближе, и мнѣ уже ясно обрисовалась гробовая крышка. Тутъ ужъ я потерялъ и сознаніе; не помню, какъ меня подняли и ввели въ домъ, и когда я увидѣлъ лежавшую Лизу въ гробу, у меня только глаза горѣли, сердцемъ же овладѣло какое-то отупѣніе. Тутъ выбѣжала моя дѣвочка Варя и пролепетала:

— Папа, мамаша вчера уснула и вотъ до сихъ поръ не встаетъ, разбуди ее!

Ну, тутъ невольно хлынули слезы, и не могъ я удержать мучительныхъ тяжкихъ рыданій... На другой день, почти всей труппой, похоронили мы Лизу на Куртинномъ кладбищѣ. При этомъ случаѣ товарищи по театру: Василій Ивановичъ Вино-

градовъ, Евгеній Николаевичъ Полтавцевъ, Евгеній Ивановичъ Климовскій и другіе — высказали мнѣ полное вниманіе и сочувствіе, — спасибо имъ!

И вотъ, оставшись вдовцомъ, съ двумя малютками, я не зналъ, какъ буду жить и что дѣлать. Но думай, не думай, а въ Москву надо воротиться. Снарядилъ — нанялъ я себѣ у Коровина большущій рыдванъ и, уложивъ свои пожитки, засадилъ въ него сиротокъ съ нянькой и кормилицей, да простясь съ добрыми казанскими товарищами, отправился въ путь. Дорогой, отъ Казани, много мнѣ пришлось вынесть всякихъ передрягъ и невзгодъ. Въ ту пору случилась оттепель; по Волгѣ мѣстами почти сплошь стояла поверхъ льда вода. Съ великимъ страхомъ приходилось намъ ѣхать чуть не вплавь, а между тѣмъ по рѣкѣ шелъ почтовый трактъ и даже стояли версты — все какъ слѣдуетъ. Нерѣдко возлѣ самой дороги виднѣлись громадныя полыньи, въ которыхъ страшно шумѣла темная вода. До самаго Нижняго я все былъ въ тревожномъ состояніи, только выѣхавъ на Владимірское шоссе, я успокоился, но, впрочемъ, и тутъ пришлось не мало вынести непріятностей отъ неаккуратности передаточныхъ возницъ: за Вязниками дали намъ такихъ лошадей, что они, отъѣхавъ верстъ пять, стали.

— Что же, ямщикъ, — спрашиваю я, — лошади-то вѣдь, не довезутъ до станціи?

— Господи батюшка! завопилъ онъ, — что жъ я стану дѣлать? Злодѣй-то, нашъ хозяинъ, не далъ лошадкамъ-то и вздохнуть; только что вернулись съ прогону, а онъ кричитъ: закладай ихъ. Вотъ те и закладай!

Дѣлать нечего, пришлось лошадей съ ямщикомъ отослать назадъ, а свѣжихъ привесть. На тотъ случай поднялась такая вьюга-мятель — свѣту Божьяго не видно! Ужъ я дежурилъ, дежурилъ у повозки-то; боялся, чтобы волки не набѣжали, или какіе лихіе люди не напали, — насилу-то дождался ямщика съ лошадьми. Затѣмъ до Владиміра доѣхали благополучно, но вотъ бѣда: денегъ, какъ есть, не осталось ни гроша! Что мнѣ дѣлать? На мое счастіе, какъ разъ во Владимірѣ, у гостиницы, встрѣтился знакомый актеръ Борщевскій.

— Здравствуй, другъ Иванъ Ивановичъ! Слышали мы отъ казанскаго знакомца о твоемъ несчастіи. Что дѣлать! власть Божія. Теперь-то ѣдешь въ Москву?

— Да, братъ, Саша, тянусь съ сиротками! Да признаться тебѣ откровенно, остался безъ гроша денегъ; не знаю, какъ и добраться до Москвы. Ты не можешь ли одолжить мнѣ?.. изъ Москвы вышлю тебѣ.

— Съ удовольствіемъ! отвѣтилъ онъ: только я тебѣ посовѣтовалъ бы остаться да сыграть у насъ спектакля два-три, право! Заработаешь себѣ. Директоръ же у насъ, М. М. Харитовъ, человѣкъ богатый и добрый. Ты принарядись-ка да пойдемъ къ нему, я тебя ему представлю.

Конечно, я тотчасъ же на это согласился. И вправду, М. М. Харитовъ принялъ меня любезно и предложилъ сыграть два спектакля по 50 руб. за вечеръ, а третій — пополамъ съ дирекціей.

Во время пребыванія моего во Владимірѣ я познакомился съ любителями театра: г. Пушкевичемъ, графомъ Апраксинымъ и госпожей Рахмановой; всѣ они оказали мнѣ свое участіе и расположеніе. Г-жа Рахманова была столь добра, что для моей дочки Вареньки составила дѣтскій вечерокъ. Отъ всѣхъ трехъ спектаклей мнѣ досталось получить отъ дирекціи около трехсотъ руб. Довольный такимъ неожиданнымъ случаемъ, я, поблагодаривъ Борщевскаго и М. М. Харитова, поѣхалъ въ Москву.

Въ 1859 году познакомился я съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Усовымъ, къ нему ввелъ меня Яковъ Карловичъ Кель. Кель хотя на видъ и маленькій человѣкъ, но музыкантъ съ громаднымъ знаніемъ; онъ былъ отличный органистъ и піанистъ. Великій М. И. Глинка лично знавалъ и любилъ его. Въ Москвѣ въ то время проживалъ извѣстный меломанъ Константинъ Александровичъ Булгаковъ; у него на музыкально-литературныхъ вечерахъ собирались и русскія и европейскія знаменитости. Въ одномъ изъ этихъ собраній разыграно было сочиненіе Я. К. Келя съ такими исполнителями: на фортепіано — М. И. Глинка, на скрипкѣ — Вьетанъ, на віолончели — Шубертъ, а самъ авторъ — на фисъ-гармоніи. За это произведеніе они его очень хвалили. Вотъ съ этимъ-то Я. К. Келемъ мы часто проводили вечера у добродушнаго и привѣтливаго С. А. Усова; кружокъ у него собирался занимательный, веселый; тутъ собирались и музыканты и артисты, какъ-то:

Александръ Ивановичъ Дюбюкъ, нашъ знаменитый музыкантъ-піанистъ Фришманъ, скрипачъ М. П. Владиславлевъ, П. М. Садовскій и другіе.

Надо было видѣть и слышать, когда, послѣ пѣнія и музыки, всѣ засядутъ за большой круглый столъ и поведутъ дружескую бесѣду. А. И. Дюбюкъ былъ великій мастеръ на розсказни, а ужъ какъ П. М. Садовскій, если онъ въ расположеніи, станетъ читать или разсказывать, ну, тутъ просто потеряешь силы отъ смѣха! Да, хорошіе были вечера у С. А. Усова.

(1860 годъ).

Осенью привезли въ Москву изъ Крыма тѣло умершаго артиста С.-Пб. театровъ Александра Евстафьевича Мартынова. На короткое время помѣщенъ онъ былъ въ Даниловскомъ монастырѣ. Во вторникъ 6-го сентября почти всѣ московскіе артисты и многіе изъ почитателей его таланта собрались на панихиду, послѣ которой проводили покойнаго на Петербургскую желѣзную дорогу.

Какого великаго артиста лишилась сцена! Я полагаю, еще многіе помнятъ высоко-художественную игру А. Е. Мартынова; мнѣ же никогда не забыть первой встрѣчи съ нимъ въ Рыбинскѣ. Ѣхалъ онъ по, приглашенію, въ Нижній по Волгѣ, а я это время съ К. Н. Полтавцевымъ участвовалъ въ театрѣ антрепренера Смирнова.

А. Е., остановившись въ Рыбинскѣ, узналъ, что Полтавцевъ здѣсь, пожелалъ съ нимъ повидаться. Отправились въ домъ городничаго, у котораго А. Е. остановился. Въ это время я его не только лично, но и по портрету не знавалъ, и подивился же я не мало, взглянувъ на Мартынова: можно ли было думать, что стоящій передо мной женственно-красивый человѣкъ былъ одинъ изъ первѣйшихъ комиковъ въ Россіи! Однако я скоро убѣдился, что А. Е. Мартыновъ дѣйствительно таковъ, какъ о немъ писали и говорили. По убѣдительной просьбѣ рыбинскаго общества и слезныхъ прошеній содержателя Смирнова, А. Е. согласился сыграть два спектакля и то только въ легкихъ пьесахъ, потому что съ дороги чувствовалъ себя утомленнымъ.

Нечего говорить, что билеты на всѣ мѣста разобрали въ нѣсколько часовъ. Въ первый вечеръ игралъ онъ въ двухъ водевиляхъ: „Дядюшка-болтушка“ (дядю) и „Ай да французскій языкъ!“ (матроса). При первомъ же выходѣ его, я смотрю и не узнаю: Мартыновъ ли это? Нѣтъ, не онъ! И голосъ совсѣмъ другой! Да, это настоящій дряхлый старикъ-болтунъ. А потомъ, какъ онъ былъ типиченъ, оригиналенъ и до упаду смѣшенъ въ роли матросика!

Вотъ такъ исполненіе! Весь театръ привелъ онъ въ восторгъ неописанный! Вѣчная память тебѣ, великій артистъ.

Съ этого года наша русская опера стала падать. Причинъ тому было много. Меломаны заговорили, что русскіе пѣвцы и пѣвицы начали линять и уже не удовлетворяютъ вкусу современной публики, а пріѣзжавшіе, по временамъ, изъ Питера италіанскіе и русскіе артисты въ своихъ концертахъ приводили москвичей въ восторгъ.

Кромѣ того и высшая театральная власть явно не сочувствовала намъ, къ этому еще и въ нѣкоторыхъ газетахъ настойчиво требовали отъ дирекціи имѣть на московской сценѣ италіанскую оперу или хоть какую-нибудь, да иноземную. Верстовскій сильно противился вторженію сладкозвучныхъ иностранцевъ. „Разорятъ они наши карманы, да и оперу русскую это поведетъ къ упадку“, такъ отписывался Алексѣй Николаевичъ. Не лучше ли будетъ дополнить настоящій составъ свѣжими, хорошими голосами? совѣтовалъ онъ. Но Питеръ, какъ видится, рѣшился наложить свою суровую руку на нашу гонимую оперу. И вотъ, должно быть, для опыта присланы были въ Москву пѣвцы и пѣвицы разномастныхъ національностей; съ появленіемъ ихъ, образовалась какъ будто бы италіанская опера. Для лучшаго уясненія я помѣщаю здѣсь письмо, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ къ одному русскому пѣвцу въ Италіи.

„Мой другъ! Ты, вѣроятно, удивился, получивъ мое письмо? Что не писалъ тебѣ прежде, какъ обѣщалъ, такъ этому были уважительныя причины. Мой друже! Ты помнишь жену мою, добрую Лизу... она умерла и тебѣ приказала долго жить. Схоронилъ я ее въ Казани 10-го декабря 1858 года. Оставила она дочь Варю и сына 6-ти мѣсяцевъ. Сталъ я съ той

поры горе мыкать! Нужды мои увеличились, служба ничего лучшаго не обѣщала, такъ я и махнулъ рукой на свое искусство. Пропало, братъ, все рвеніе! Всѣ надежды улетѣли! А ты знаешь, что я, при другой обстановкѣ, могъ быть порядочнымъ и небезполезнымъ. За всѣ эти шесть лѣтъ, играя много первыхъ ролей, не могъ добиться ни разовыхъ, ни полубенефиса, только и соблаговолила дирекція къ моему скудному жалованью въ 400 руб. прибавить сперва сто, а потомъ двѣсти руб. Наша мертвящая казенная служба уничтожаетъ въ артистахъ и способности и стремленія; немногимъ удастся выбраться на торную дорогу. Впрочемъ, ты отчасти знакомъ съ нашимъ чиновничьимъ правленіемъ. Про настоящій составъ нашей оперы скажу тебѣ, что съ появленіемъ Владиславлева и Бушекъ опера оживилась. Владиславлевъ удачникъ; въ короткое время зашибъ копейку такую, что что домикъ себѣ сгоношилъ. Еще бы прибавить къ намъ нѣсколько свѣжихъ силъ съ хорошими голосами, и русское дѣло пошло бы, такъ нѣтъ! Прислали въ Москву нѣсколько лицъ собственно для италіанскихъ оперъ; составъ слѣдующій: Бушекъ — сопрано, Фодоръ — теноръ, Мео — баритонъ, Бендеръ — контральто, Викки — басъ. Вторыя роли дополнялись изъ нашей труппы, а затѣмъ мы, все-таки, продолжали именоваться русской оперой. Попрежнему, иногда при участіи вышесказанныхъ лицъ, распѣвали оперы и русскія, и французскія, и италіанскія. Нерѣдко мы успѣхъ имѣли большій, чѣмъ названные итальянцы. Мое личное мнѣніе таково, что лучше бы этихъ пѣвуновъ и не присылать; ужъ если выписывать, такъ хорошихъ, какъ въ Петербургѣ, а то вышло ни то, ни се. Мео, правда, имѣетъ чудесный голосъ, но часто фальшивитъ немилосердно; Фодоръ на пути къ утратѣ голоса, вслѣдствіе чего тоже детонируетъ; Бендеръ — пѣвица изъ рукъ вонъ плохая; Бушекъ, хотя и умѣлая пѣвица, но тоже выпѣваетъ съ трудомъ, поэтому кричитъ и ломается — слушать тяжело; — куда ей до Семеновой! Викки — устарѣлый басъ и, право, хуже Курова. Но, несмотря на всѣ ихъ недостатки, публика имъ рукоплещетъ. Удивляться этому нечего: тебѣ вѣдь вѣдомо, что въ Москвѣ для знанія и искусства очень немного людей!... Дикихъ понятій и убѣжденій еще хватитъ не на одно поколѣніе".

(Съ 1861 года.)

Духъ италіоманіи настолько овладѣлъ интеллигентнымъ обществомъ и даже купечествомъ, что Верстовскому стало бороться не подъ силу, да и въ Петербургѣ желаніе московскихъ гражданъ принято было съ благосклоннымъ вниманіемъ. Немедля, Верстовскому дана была отставка и на мѣсто его поступилъ съ большими правами А. Ф. Львовъ; Пельтъ получилъ мѣсто инспектора репертуара. Пошла по театру и въ конторѣ сильная передряга. Всѣ полагали, что съ появленіемъ такого знатока музыки и любителя, какъ Львовъ, театръ московскій возобновится и процвѣтетъ. Чиновники и хищники вострепетали; думали всѣ, что конецъ ихъ владычеству. И, вправду, свѣжее начальство какъ будто не на шутку принялось укладывать новые, хорошіе порядки: оркестръ увеличенъ, улучшенъ; для музыкантовъ создали новую должность — инспектора музыки, въ лицѣ Минкуса, скрипача; декораціи, костюмы возобновлены. Названную италіанскую оперу соединили съ русскою въ единое стадо, пригласили еще нѣсколько пѣвцовъ и пѣвицъ изъ Чехіи, Германіи, Италіи и даже Франціи, и все это сборище должно было распѣвать по-русски, но, по незнанію русскаго языка, всякій изъ нихъ выковыривалъ на свой ладъ и то съ большой потугой, стараясь осилить варварскій говоръ, какъ они выражались. Видитъ нашъ новый вице-директоръ, что дѣло идетъ нескладное, задумалъ составить настоящую, кровную италіанскую оперу.

На звонкій призывъ русскаго золота скоро слетѣлись на хладный сѣверъ дивные голоса, дивные пѣвцы, пѣвицы: тутъ Арто, Фриччи, Гасье, Віолетти и много, много такихъ, что не запомню. Возликовали меломаны! Засіяли блаженствомъ личики московскихъ красавицъ, а особливо жирныхъ купчихъ! Зашумѣлъ, загудѣлъ нашъ театръ отъ безчисленныхъ вызововъ! Цвѣты, многоцѣнные подарки дождемъ полетѣли на сцену! Такіе успѣхи все больше и больше отуманивали головы и сердца любителей италіанской оперы. Особенно рьянымъ поклонникомъ оказался одинъ армянинъ-маклеръ...

И пошли, это, иностранные соловушки мѣняться каждогодно. Все это было бы хорошо, если бъ при такой роскошной и богатой обстановкѣ были вознаграждены и наши рус-

скіе труженики, а то оркестръ, а въ особенности хоръ, съ участвовавшими на малыхъ роляхъ, каждодневно, по два раза, сгонялись на репетицію. За свой трудъ они не имѣли другого вознагражденія, кромѣ грошоваго жалованья, да, помимо того, еще на нихъ безпрестанно сыпались брань и ругательства то отъ режиссера-деспота Савицкаго, то отъ дерзкаго капельмейстера. Одинъ разъ даже самъ вице-директоръ Л. кинулся на хоръ съ кулаками, осыпая при этомъ всѣхъ площадною бранью. А за что? За то, что осмѣлились попросить прибавку и не мучить ихъ понапрасну непосильнымъ трудомъ! Женскій хоръ вздумалъ было пожаловаться въ Петербургъ директору, да начальство вкупѣ съ режиссеромъ и капельмейстеромъ устроили хору одиночные допросы. Ну, конечно, которыхъ уговорили, а которыхъ застращали! Такъ это дѣло и погасло*).

Оказалось, однакожъ, Верстовскій былъ правъ, предсказывая разореніе и упадокъ русскаго искусства отъ иноземцевъ. Дефициты годъ отъ году накоплялись ужасные; всѣ наши труппы, особенно Малый театръ, только и работали на дорогихъ иноземцевъ. Придумалъ нашъ вице-директоръ сдѣлать экономію. Для этого онъ еще и прежде, какъ будто предвидя такія дѣла, уволилъ почти всѣхъ прежнихъ русскихъ оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, теперь же сталъ исключать изъ балета и Малаго театра. Къ сожалѣнію отъ этой комбинаціи пострадали бѣдняки, которые и такъ-то всю жизнь бились-колотились съ безысходной нуждой и тянули службу ради пенсіи. Но расчетливый начальникъ, несмотря на мольбы, слезы и отчаяніе несчастныхъ, далъ имъ отставку, тогда какъ нѣкоторымъ оставалось выслужить до срока, кому два-одинъ годъ, а то и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напр. Петру Рябову. А между тѣмъ паразиты и хищники попрежнему загребали, сколько влѣзетъ. Таковыми загребистыми лапами отличались режиссеры, механики, любимчики и разные закулисные дѣльцы.

Дѣла по театру все шли труднѣй и труднѣй. Видитъ нашъ начальникъ, что дѣло плохо, придумалъ русскую оперу совсѣмъ порѣшить да еще у артистовъ Малаго театра сократить жалованье и разовые. Но драматическіе актеры показали

*) Это событіе передали мнѣ нѣкоторые изъ хора.

вице-директору опасные зубы. Противъ нихъ вицъ смирился. Зато онъ набросился на русскую оперу и послалъ въ Питеръ бумагу съ предложеніемъ уничтожить русскую оперу, прибавивъ, что этого и всѣ въ Москвѣ желаютъ. Министръ, какъ былъ слухъ, на доводы эти согласился и будто бы даже поднесъ этотъ проектъ Государю, но добрый нашъ царь Александръ Николаевичъ на уничтоженіе русской оперы не согласился, а, напротивъ, приказалъ ее возстановить и поддержать. Такого казуса чиновный міръ не ожидалъ! Скрѣпя сердце, принуждены были они драгоцѣнныхъ пѣвуновъ приглашать только по временамъ, на короткій срокъ.

На робкій кличъ дирекціи скоро слетѣлись русскіе пѣвцы и пѣвицы съ разныхъ сторонъ, какъ-то: Сѣтовъ, Орловъ, Рашопортъ — тенора; Демидовъ, Артемовскій — басы; Фабіанбіанки, Александро, Кохъ, Анненская — сопрано; Оноре — контральто и др.

Вмѣсто умершаго Штуцмана должность капельмейстера заняли Шрамекъ и Мертенъ.

Дѣло пошло на славу. Къ этому случаю прибылъ въ Москву и Александръ Николаевичъ Сѣровъ съ своей художественной и умной оперой „Рогнѣдой“, а потомъ и директоръ Императорскихъ театровъ былъ новый, замѣстившій умершаго А. М. Гедеонова. Когда нашъ главный начальникъ прибылъ въ Москву, то при нашемъ представленіи ему, сказалъ всѣмъ трупамъ рѣчь, значеніе который заключалось въ томъ, что онъ будетъ всѣми силами содѣйствовать процвѣтанію русскаго искусства. Соболѣзнуя малому вознагражденію за тяжелый трудъ оркестра, хора, кордебалета и вообще всѣхъ получающихъ крайне недостаточное жалованье, онъ обнадежилъ своимъ словомъ выхлопотать хорошія прибавки.

Возликовала вся наша театральная голытьба! Веселые и довольные, шли они коридорами театра, скакаша, играша, яко Аввакумъ передъ сѣннымъ ковчегомъ; чиновникамъ своимъ показывали носы, на что эти отвѣчали только лукавой, двусмысленной улыбкой... Досадно, право! Точно не вѣрятъ директорскому слову и обѣщанію! Ну, ужъ это явная супротивность начальству!

Между тѣмъ ждать-пождать — ни директора нашего, ни распоряженій какихъ, ничего нѣтъ! То-есть ни слухомъ не

слыхать, ни видомъ не видать! Потомъ ужъ пришла вѣсть, что и директоръ новый назначенъ—шталмейстеръ двора. Вотъ тебѣ и спичъ! Вотъ тебѣ и директорское обѣщаніе!

Не долго погарцовалъ и московскій вицъ! Сказывали, его за какія-то дѣла, по-царскому велѣнію, отрѣшили отъ должности и, кромѣ того; будто бы ему велѣно выѣхать изъ столицы въ 24 часа. Всплакнули тутъ хапуны, хищники и тунеядцы, а съ ними взревѣли и кредиторы. Очевидцы говорили, что одинъ изъ заимодавцевъ, разжирѣвшій и нажившійся капельдинеръ, не надѣясь получить съ опальнаго долгъ, увелъ съ его двора корову.

Для этого казуснаго случая кто-то нанялъ шарманщиковъ наигрывать, однихъ: „ты поди, моя коровушка, домой“, а другихъ: „не уѣзжай голубчикъ мой“. Шутники, право! Чего не выдумаютъ! Мѣсто уволеннаго вицъ занялъ Н. И. Пельтъ; инспекторомъ репертуара утвержденъ В. П. Бѣгичевъ. Ну, тутъ и чиновникамъ, особливо женскому полу, пришла лафа! Подняли голову и паразиты съ хапунами. Однимъ словомъ — вывернули шубу наизнанку.

Снова возобновилось желаніе у публики и у дирекціи имѣть въ Москвѣ излюбленную италіанскую оперу. Ловкій и пронырливый антрепренеръ Мерелли тотчасъ почуялъ добычу. На зовъ дирекціи и москвичей онъ не замедлилъ явиться, и при содѣйствіи барона Кистера открылся въ Москвѣ абонементъ. Публика въ драку полѣзла за билетами. Да оно и не диво, когда въ анонсѣ красовались такія имена, какъ Патти, Нильсонъ, Вольпини, Скальки, Николини, Граціани, Богаджіоло, Джаметъ, Ротта, Ноденъ и другія знаменитости. И въ самомъ дѣлѣ было что и послушать. Вотъ это такъ настоящая италіанская опера! При нихъ мы распѣвали только по праздникамъ, царскимъ днямъ и въ бенефисы.

Въ нашу труппу затесался скиталецъ изъ италіанскихъ странъ — Финоки. Ужъ и голосъ растрескался и поетъ-то, какъ пьяный съ перепоя, да и выговоръ скверный, а начальство, все-таки, его такъ возлюбило, что онъ получаетъ полный окладъ, разовыхъ 20 руб. да бенефисъ; кромѣ того еще, дезертируя отъ русскихъ къ итальянцамъ, и тамъ гешефтъ получалъ не малый.

Въ 1875 году кончился срокъ моей службы на казенной

сценѣ. Итакъ за 20 лѣтъ я, кромѣ жалованья въ 700 руб. не получилъ ни разовыхъ, ни полубенефиса за все время. Что дѣлать! Не пользовался я расположеніемъ ни режиссера, ни добраго моего начальства. Въ награду за мою службу обязали меня безъ всякаго вознагражденія прослужить въ дирекціи еще два года; а въ законѣ сказано: „артистъ, прослужа двадцать лѣтъ, въ благодарность долженъ служить еще два года, не требуя вознагражденія болѣе того, что получалъ". Ужъ какъ это умудрилось наше доброе начальство растолковать такую статью въ пользу даровой службы, Богъ вѣсть. Я, однакожъ, не желая даромъ служить дирекціи, сказался больнымъ и попросилъ на годъ отпускъ для излѣченія. Какъ только я сдѣлался свободнымъ, тотчасъ же директоръ Кіевскаго театра Іосифъ Яковлевичъ Сѣтовъ пригласилъ меня въ свою оперу, съ вознагражденіемъ 150 руб. въ мѣсяцъ и это только лишь за исполненіе двухъ ролей: княжого дурака въ „Рогнѣдѣ" и Торопки въ „Аскольдовой могилѣ".

Кіевъ.

(1876 годъ.)

Въ августѣ, 8 числа, 1876 года пріѣхалъ я во святой градъ Кіевъ. При въѣздѣ въ него мнѣ вспомнились стихи А. С. Пушкина:

„То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки.
Виномъ хоть пару поддавай!
А молодицы, молодушки!
Ей, ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобровой..." и пр. и пр.

Оно, положимъ, въ наше время въ Кіевѣ уже не валятся въ ротъ галушки, да и горилки знаменитой не достанешь и за большія деньги, а все-таки край хорошій и привольный. Не даромъ здѣсь во множествѣ поселились нѣмцы, поляки да жиды! Да, Кіевъ городъ большой, красивый и съ грандіозными постройками. Это скорѣй столица, а не губернскій городъ. Все меня въ немъ восхищало: тамъ университетъ съ обширнымъ превосходнымъ садомъ, а на горахъ высоко

вздымаются храмы и стройные тополи; за широкимъ Днѣпромъ разстилаются необъятные луга, сливаясь съ едва виднѣющимися вдали лѣсами.

О Печерскомъ монастырѣ, соборахъ, памятникахъ и древностяхъ нечего мнѣ и говорить, — кто ихъ не знаетъ и не видалъ!

Театръ оперы каменный, хорошей постройки, внутренность его отдѣлана изящно, со вкусомъ; декораціи, писаны Аккерманомъ, однимъ изъ лучшихъ декораторовъ Императорскихъ театровъ; костюмы и вообще аксессуары превосходные! Очень хорошъ и оркестръ, состоящій изъ 44 музыкантовъ; управлялъ имъ едва ли не лучшій въ Россіи капельмейстеръ Ипполитъ Карловичъ Альтани, воспитанникъ Петербургской консерваторіи. Хоръ состоялъ изъ 48 человѣкъ и тоже достоинствомъ соотвѣтствовалъ оркестру; всѣ мужскіе и женскіе голоса молодые, отличные. Когда въ первый разъ я услышалъ ихъ въ оперѣ „Жизнь за царя", то подумалъ, что ихъ сто человѣкъ поетъ *).

Жалованья полагалось для первыхъ сюжетовъ отъ 300 до 700 р. с. въ мѣсяцъ, вторыхъ — отъ 75 до 150 р. с. кромѣ бенефисовъ. Хоръ получалъ отъ 50 до 100 руб. сер.

Лавровская и Мерли получали отъ каждаго спектакля по 360 руб. сер.

Репертуаръ состоялъ изъ оперъ:

„Жизнь за царя", „Фаустъ", „Севильскій цырюльникъ", „Донъ-Жуанъ", „Травіата", „Жидовка", „Гугеноты", „Волшебный стрѣлокъ", „Опричники", „Трубадуръ", „Линда",

---

*) Вотъ составъ всей труппы сезона 1876 — 1877 годовъ.

Примадонны сопрано: Массини, Павловская, Макарова, Ираклиди; на вторыя роли: Дубасова, Шаеровичъ, Паули; контральто: Лавровская, Пускова, Бородина и Латышева; тенора: Барцалъ, Васильевъ, Лавровъ, Жуковъ; баритоны: Борисовъ, Павловскій, Стрѣлецкій; басы: Мерли, Демидовъ, Бѣлявскій, Николаевъ; на вторыхъ роляхъ: Захарьевичъ, Сотниковъ.

Режиссеръ Давидъ, помощникъ его Фрицъ; главный капельмейстеръ Альтани, помощникъ его и учитель хора—Паули; концертмейстеръ Бюхнеръ; солистъ-скрипачъ Зигель; декораторъ Аккерманъ; гардеробмейстеръ Маковецкій; завѣдующій электрическимъ освѣщеніемъ — Лунинъ, газовымъ — Луговскій; смотритель и секретарь Левчевко; контролеръ Гурскій.

Балетныхъ персонъ имѣлось четверо мужчинъ и шесть женщинъ.

„Риголетто“, „Рогнѣда“, „Фенелла“, „Аида“, „Зора“, „Африканка“, „Кузнецъ Вакула“ и „Аскольдова могила“.

Особенные любимцы публики были: Лавровская, Массини, Павловская, Мерли и Барцалъ, впрочемъ хорошо также были приняты и остальные. Демидовъ пропѣлъ только два спектакля и, по болѣзни, обратно уѣхалъ въ Москву, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Нечего говорить, что Лавровская и Мерли были лучшимъ украшеніемъ оперы. Мерли первый изъ первыхъ басъ-баритоновъ въ Италіи; онъ еще въ первый разъ пѣлъ въ Россіи и пріѣзжалъ въ Кіевъ случайно; необычайно хорошо онъ исполнялъ роли: шута въ „Риголетто“ и Сусанина въ „Жизнь за царя“, хотя послѣднюю партію онъ пѣлъ по италіански, но выдержалъ характеръ и манеру удивительно типично и вѣрно. Говорили, онъ два года изучалъ эту роль и очень сожалѣлъ въ Кіевѣ, что не приготовилъ ее по-русски. Во весь сезонъ почти всѣ спектакли шли при полныхъ сборахъ. Театръ вмѣщалъ при обыкновенной цѣнности на 1400 р., а въ бенефисъ или при участіи кого-нибудь изъ двоихъ: Лавровской или Мерли — сборъ доходилъ до 2000 р. Сѣтовъ имѣлъ отъ общества театръ безплатно, да еще ему отъ города выдавалось субсидіи 6000 р.

Постомъ Великимъ хотя Сѣтовъ и оставлялъ меня у себя служить, но я увлекся предложеніемъ другого содержателя оперы, П. М. Медвѣдева, въ Нижнемъ-Новгородѣ во время ярмарки и потомъ въ Казани. Послѣ я очень сожалѣлъ, что не остался въ Кіевѣ. Съ Медвѣдевымъ я не поладилъ и послѣ ярмарки возвратился въ Москву. Съ тѣхъ поръ я рѣшился ужъ оставить сцену совсѣмъ, хотя мнѣ было очень тяжело и грустно разставаться навсегда съ любимымъ мною искусствомъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Дѣтство	5
Нижній-Новгородъ (1834 г.)	13
Ростовъ	—
Москва	15, 39, 168, 201
Плисовая и кордовая фабрики М. А. П-ва	19
Тверь	25
Село Гарино	30
Кража генеральской дочки	33
Владиміръ	40
Астрахань	48
Вверхъ по Волгѣ (1845)	78
Царицинъ	80
Воронежъ	83, 131, 134
Тамбовъ	86, 103, 134, 144, 192
Темниковъ	97, 178
Кирсановъ	103
Пенза	106
Таганрогъ (1847)	111
Бахмутъ	122
Ростовъ на Дону (1848)	123
Новочеркасскъ	124
Харьковъ	131, 155
Полтава	132
Тула	135, 142, 147
Калуга	139
Рязань	143, 170, 193
Мещовскъ	148
Тула. По дорогѣ въ Харьковъ	151
Сонъ	153, 183
Курскъ (1853)	155
Коренная пустынь	161
Тула и Калуга	163
Касимовъ	173
По дорогѣ въ Темниковъ	—
На пчельникѣ	174
Санаксырь	190
Паденіе колокола «Ре-утъ»	202
Петербургъ	204
Муромъ	207
Саровская пустынь	208
Темниковъ (1856)	210
Москва (1856)	216
Коронація Александра II	217
Кіевъ (1876)	231